

Чай выплеснулся из чашки, обдав бумажного человечка и руки Сун Гуйчэна. От горячей жидкости он невольно разжал пальцы, и чашка, ударившись об пол, разлетелась на черепки.

Но сейчас ему было не до ожогов и не до осколков — он с тревогой смотрел на бумажную фигурку. Зеленая одежда пропиталась водой, расплываясь темными пятнами.

Люди вокруг замолчали, их взгляды скрестились на Сун Гуйчэне, и воздух в помещении стал тяжелым и неподвижным, как в стоячем болоте.

— И... что теперь делать?

— Не знаю, правда, не знаю.

— Впервые с таким сталкиваюсь.

— Кстати, кто этот зеленый бумажный человечек?

— Да кто ж его знает. Сцена и NPC похожи, но сюжет уже давно переписали.

...

— Простите, простите, — поспешно извинился Сун Гуйчэн, схватил веник с совком и принялся собирать осколки.

Люди вокруг перешептывались, и от этого становилось не по себе. Он с досадой смотрел на бумажную фигурку: раз намочка, можно ли её просушить? А если нет — придется делать новую?

Пока он пребывал в растерянности, в поминальный зал вошел Ли Цинтун. Увидев его, люди невольно отступили на полшага и разом смолкли. Однако Сун Гуйчэн, чье внимание было полностью поглощено бумажным человечком, не заметил этой перемены. Он всерьез размышлял о том, можно ли высушить фигурку, просто обдувая её воздухом.

Лишь когда Ли Цинтун подошел совсем близко, Сун Гуйчэн вздрогнул и тихо позвал:

— Ли-гэ... — голос его заметно дрогнул.

Ли Цинтун внимательно посмотрел на фигурку, затем на обожженную руку Сун Гуйчэна и произнес:

— Пустяки.

— Правда пустяки? — Сун Гуйчэн не был уверен.

— Бумажный человечек в порядке, — он бросил взгляд на покрасневшую, покрывшуюся

волдырями кожу на руке Сун Гуйчэна. — А вот ты — нет. Иди в комнату, отдохни, и ночью не вздумай шляться где попало.

Сун Гуйчэн подумал: ну ты бы хоть договаривал фразы до конца, брат. Но он понял: слова Ли Цинтуна были одновременно подсказкой и предупреждением.

От этого отвлечения напряжение в груди немного отпустило, и он наконец почувствовал боль в тыльной стороне ладони: в месте ожога вскочили волдыри, которые неприятно саднило. Он сполоснул руку холодной водой — в этом мире лекарств от ожогов было не сыскать, оставалось надеяться лишь на собственную регенерацию.

Перед тем как уйти в свою комнату, Сун Гуйчэн попросил у тетушки Ли стакан воды. Увидев его руку, она ахнула:

— Батюшки, это что же с тобой приключилось?

— Ничего страшного, — ответил он, — просто обжегся, когда воду наливал.

Он сел на край кровати с чашкой в руках. Свеча на столе отбрасывала дрожащие оранжевые блики. Боль в руке была невыносимой — казалось, это не ожог от кипятка, а следы когтей призрака. Он переживал за намокшего бумажного человечка, но сделать ничего не мог, оставалось лишь последовать совету Ли Цинтуна и лечь спать.

Физическая боль лишь усиливала накопившуюся тревогу. Сун Гуйчэн ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть, пока звуки снаружи не стихли, и он не провалился в беспокойный сон.

Среди ночи он проснулся от пульсирующей боли в руке. Спросонья, с трудом разлепляя глаза, он сел на кровати и потянулся за остывшей водой. Видимо, разум всё ещё был затуманен сном: вместо стакана он задел свечу. Белый столбик покатился по полу и погас.

Комната мгновенно погрузилась в полную темноту. Сун Гуйчэн разом протрезвел. Он отчетливо помнил, что тянулся к стакану, как же он мог задеть свечу? К тому же расстояние между ними было немалым — казалось, будто чья-то невидимая рука направила его движение.

Волосы на затылке встали дыбом. Он невольно закусил губу, присел на корточки и, дрожа от холода, начал ощупывать пол в поисках свечи.

— Хи-хи-хи... — В тишине раздался острый, пронзительный смех.

Сун Гуйчэн замер, сердце бешено колотилось, в голове была пустота. Смех прозвучал лишь раз и стих, но он не осмеливался расслабиться. Вглядываясь в слабые отблески света, пробивающиеся снаружи, он осторожно шарил рукой по полу.

В мертвой тишине ночи больше не было ни звука, но он кожей чувствовал, как нечто, скрытое в непроглядной тьме, пристально следит за каждым его движением.

Он водил рукой по полу, пытаясь нащупать свечу, и вдруг коснулся чего-то липкого и вязкого. Что это?

Он инстинктивно отдернул руку.

— Хи-хи-хи... — Смех повторился, и на этот раз, казалось, прямо над его головой.

Сун Гуйчэн не смел поднять взгляд. Дрожа от ужаса, он поднялся с пола и бросился к двери, но та, как и днем, оказалась намертво заперта снаружи. Его руки были испачканы в липкой жидкости, перемешанной с дорожной грязью.

Тук-тук-тук. Сердце колотилось в панике: впереди опасность, позади — тупик. Безвыходная ситуация. Судьба его была предрешена, и, не видя иного выхода, он решил вернуться на кровать — если уж суждено умереть во сне, то это не самый худший вариант.

Но едва он повернулся, как наткнулся на пару глаз — без век и зрачков, ярко-белых и пугающих. Сун Гуйчэн на мгновение перестал дышать.

Только теперь он заметил, что под потолком на балке висит младенец. То, за что он схватился на полу, было пуповиной. Младенец, подвешенный вниз головой, с жуткой улыбкой на лице, не сводил с него глаз.

Лицо Сун Гуйчэна стало белее полотна. К страху добавилась острая, разрывающая боль в обожженной руке — казалось, она вот-вот расколется его череп.

— Хи-хи-хи... — из уст младенца вырвался поток жутких звуков, эхом отдаваясь в комнате. Воздух вокруг становился всё холоднее.

Сун Гуйчэн согнулся пополам, с головы градом лил пот, сознание начало меркнуть. Младенец... откуда в семье Ли взялся младенец?

Внезапная догадка пронзила его разум. Он выхватил из кармана рецепт и поднял его перед лицом ребенка:

— Твоя мать — Ли Цайся?

То ли от вида рецепта, то ли от упоминания имени матери, младенец затих. В этот момент Сун Гуйчэн обрел уверенность. Олеандр, коричник, горчак, шафран, мускус... помимо лечения, они обладают абортивным действием! Просто его мысли были скованы страхом, и он не сразу догадался об этом.

Как только он выпрямился, спину придавило тяжестью. Холод, словно тысячи иголок, пронзил его тело. Младенец исчез с балки и медленно переполз ему на спину.

Сун Гуйчэн боялся даже вздохнуть. Ноги подкашивались, он ухватился за стол, чтобы устоять, и прошептал:

— Ты хочешь добиться справедливости для своей матери?

С дьяволом договориться проще, чем с мелким бесом. Младенец не убивал его, скорее, просто запугивал. Сун Гуйчэн решил попробовать договориться.

— Это дело связано со старостой деревни? — тихо спросил он.

Младенец на спине внезапно пришел в ярость, пуповина сдавила шею Сун Гуйчэна так, что он охнул, а из глаз от боли невольно брызнули слезы. Похоже, староста был напрямую замешан в этом.

— Я понял. Я добьюсь для неё справедливости. Вернись к своей матери и передай ей, хорошо? — с тревогой в голосе попросил он.

— Хи-хи-хи... — снова раздался смех, тяжесть на спине исчезла, а вместе с ней улетучился и леденящий душу холод.

Сун Гуйчэн рухнул на стул, тяжело дыша. Он вцепился в край стола, чтобы не упасть на пол.

...

Лишь спустя долгое время Сун Гуйчэн пришел в себя. Он лег на кровать, чувствуя, как мысли путаются в голове. Ли Цайся была беременна перед смертью, и лекарства, которые она пила, были нужны не для лечения, а для аборта. Возник новый вопрос: кто был отцом ребенка?

Три месяца назад она собиралась замуж за сына старосты, как она могла внезапно забеременеть? И почему в это замешан староста? В голову пришла пугающая мысль: неужели ребенок от старосты?

Однако он тут же отбросил эту идею. Если бы это было так, ему не понадобилась бы помощь Сун Гуйчэна — Ли Цайся могла бы сама натравить призрака на своего обидчика. Раз уж призрак обратился к нему, значит, насильник либо надежно скрытан, либо Ли Цайся не может до него добраться.

Где можно спрятаться так, чтобы даже призрак не смог достать? Боль в руке не давала сосредоточиться. Сун Гуйчэн закрыл глаза, заставляя себя уснуть, чтобы хоть немного привести мысли в порядок. Но до самого рассвета он так и не сомкнул глаз.

Снова пасмурный день, серое небо и гнетущая, удушливая атмосфера. За ночь ожог не стал лучше, наоборот, покраснение начало распространяться дальше. Теперь он причинял такую боль, что игнорировать его было невозможно. К боли добавился зуд. Он сдерживал себя, чтобы не расчесать рану до крови.

Люди снаружи уже разошлись. Выйдя из комнаты, Сун Гуйчэн первым делом посмотрел на бумажного человечка: следы от воды не высохли, казалось, они впитались в саму бумагу. Присмотревшись к выражению лица фигурки, он заметил, что уголки губ, которые раньше были приподняты, теперь опустились — человечек выглядел недовольным. По спине Сун Гуйчэна пробежал холодок.

— Не смотри на него, — Ли Цинтун принес завтрак и посмотрел на согнувшегося мужчину.

На Сун Гуйчэне была короткая куртка, и когда он наклонился, одежда задралась, обнажая белую, гибкую линию талии. Услышав замечание, он выпрямился, и его стройная, гибкая фигура напомнила гибкий бамбуковый стебель.

...

Вставая, Сун Гуйчэн снова увидел изображение Чжун Куя на гробу — цвета, казалось, стали бледнее, чем вчера. В голове возникла догадка: возможно, изображение Чжун Куя сдерживает Ли Цайся, не давая ей отомстить.

Сегодня дядюшки Ли не было, только тетушка Ли. Её глаза были красными и опухшими, а руки, державшие миску с кашей, дрожали. Сун Гуйчэн нахмурился: вчера дядюшка Ли, вероятно, снова бил её. Он чувствовал гнев и жалость: гнев на этого зверя и жалость к женщине, которая даже после побоев молчала.

— Тетушка Ли, Цайся ведь умерла не от болезни, верно? — спросил он, когда она доела кашу. Вопрос прозвучал как утверждение.

Рука тетушки Ли дрогнула, миска чуть не упала на стол.

— А от чего же ещё, если не от болезни? Видно, судьба такая, судьба...

Судьба. Сун Гуйчэн усмехнулся, хлопнул рецептом по столу и холодно произнес:

— Тогда объясните мне, тетушка Ли, что это за рецепт?

Увидев желтую бумагу, тетушка Ли заметно занервничала:

— Я... это... эх... — она вздохнула, подняла взгляд на Сун Гуйчэна, и на глазах у неё выступили слезы. — Сяо Сун, не спрашивай больше. Если мы похороним её сегодня ночью, всё закончится.

Похоронить... как можно похоронить то, что не находит покоя?

— Тетушка Ли, какая тайна может быть важнее жизни вашей дочери? — его голос был тихим, но каждое слово било в цель.

Тетушка Ли долго молчала, прежде чем ответить:

— Сяо Сун, не то чтобы я не хотела сказать, я не могу. — Она вытерла слезы. — Могу лишь сказать одно: этот гроб принес староста!

Сказав это, она схватила пустую посуду и в спешке выбежала из поминального зала.

Во время этого разговора Ли Цинтун всё время молча наблюдал за ними, в его взгляде читалось любопытство. Сун Гуйчэн невольно обернулся и встретился с ним глазами — выражение лица Ли Цинтуна было слишком спокойным, почти безразличным.

Сун Гуйчэн прикусил губу:

— Ты ведь знаешь, правда?

По сравнению с Ли Цайся и ребенком-призраком, этот человек казался ему куда опаснее. Он был ещё большим сторонним наблюдателем, чем дядюшка Ли. Если дядюшка Ли просто не испытывал чувств к дочери, то Ли Цинтун держался с отстраненной властью человека, контролирующего ситуацию. Сун Гуйчэн не сомневался: стоит ему захотеть, и он уничтожит его без следа.

Ли Цинтун ничего не ответил, грациозно встал из-за стола и вышел, оставив его в смятении.

Гроб принес староста, изображение Чжун Куя тоже нарисовал он. Но староста ведь давно мертв — хотя он дышит, внешне он ничем не отличается от покойника. Если Ли Цайся забеременела не от него, то единственный человек, которого староста мог защищать ценой собственной жизни, — это... его сын!

Глаза Сун Гуйчэна блеснули. Он машинально коснулся раны на руке и вздрогнул от боли. Тот, кого прятали, тот, кого защищали, тот, кто надругался над Ли Цайся, скорее всего, был сыном старосты. Вспомнилось, что за эти два дня он видел почти всех жителей деревни, кроме него.

— Вы видели в эти дни сына старосты?

— Нет. Староста говорит, что сын, услышав о смерти Цайся, так разошелся, что его пришлось связать.

Вспомнив слова сельчан, Сун Гуйчэн погрузился в раздумья. Он посмотрел на небо, затянутое свинцовыми тучами — собирался дождь. Где староста мог спрятать своего сына? Единственный

вариант — в собственном доме. Надо найти способ пробраться туда. Вспомнив ночного призрака, он хотел покончить с этим как можно скорее. Если не найти убийцу, судьба гроба оставалась под вопросом.

Пока он обдумывал план проникновения, за окном мелькнула тень. Сун Гуйчэн насторожился и увидел того самого юношу, который в ту ночь стриг свечу. Его кожа была серой, зрачки расширены, он молча стоял у окна, глядя прямо на него. У Сун Гуйчэна по спине пробежал мороз, он моргнул — и юноша исчез.

Точно. Он вспомнил, что после того, как тот парень сходил в туалет, у него на коже появились такие же трупные пятна, как у старосты. Он хотел расспросить его вчера, но парень не пришел. Сун Гуйчэн был уверен: это не галлюцинация. То, как парень стоял у окна, напомнило ему о чудовище, пожирающем людей в первую ночь.

Он встал, подошел к окну и распахнул его. На влажной земле не было следов парня, лишь маленькие отпечатки ног, оставшиеся с первых дней. Учитывая его вес, он не мог пройти по грязи, не оставив следов.

Сердце Сун Гуйчэна похолодело. Он машинально потер край одежды. Ему показалось, что маленькие отпечатки стали глубже. Он подался вперед, чтобы рассмотреть их лучше, и почувствовал едкий запах пепла.

Па-а-а. Сверху упали капли воды — дождь начал барабанить по черепице крыши, издавая четкие, размеренные звуки.

<http://bllate.org/book/20722/2073789>